

Т. И. Масловская,

Санкт-Петербургский университет низкотемпературных
и пищевых технологий

Л. Д. Бондарь,

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

ПРОБЛЕМА ДУХОВНОСТИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: ОТ ИММАНЕНТНОГО К ТРАНСЦЕНДЕНТНОМУ

Проблема духовности в медиапространстве напрямую связана с проблемой духовности в современной культуре. Существует представление, что современная культура от духовности весьма далека. Этой точки зрения придерживаются как представители религиозного догматического направления, так и мыслители, далекие от религиозного мировосприятия. При этом нет единого определения духовности, и данный термин выступает в различных значениях.

Наиболее распространенным сегодня является гуманистическое понимание духовности, которое предполагает наличие в человеке того, что можно назвать общей человеческой моралью. Общечеловеческая мораль и нравственность понимаются при этом как нечто усредненное, представляющее собой попытку устранить все специфические черты, свойственные различным культурам и религиям. Однако в целом все это не более чем абстрактные категории, которые никогда не существовали в реальности, как собственно и попытка создания некоего единого всемирного этоса, принадлежащего к общечеловеческой культуре.

С точки зрения догматического богословия духовность представляет собой содержание человеческого духа, которое обусловливается направленностью ума и представляет собой ориентацию на высшую и конечную цель, к которой стремится человек, то есть нацеленность всех его помыслов на трансцендентное, понимаемое как божественная реальность. При этом важно отметить, что для каждого человека существует возможность иметь свою определяемую умом конечную цель, которая совсем не обязательно оказывается связанной с божественной реаль-

ностью. Из этого следует, что понятие «духовность» совершенно не обязательно должно иметь позитивную коннотацию, как это традиционно принято в русском языке и русской религиозно-философской мысли. Духовность — это, скорее, проявление содержания человеческого духа в любой сфере деятельности, определяемое исключительно направленностью ума, то есть целеполаганием.

Например, знаменитый американский финансист Р. Кийосаки в целом ряде своих работ наглядно показывает, каким образом, активизируя духовную составляющую личности и вкладывая в ее содержание определенные ценности, можно не только достигнуть успеха в профессиональной деятельности, но и аккумулировать в своих руках внушительный капитал, примером чего является его собственная жизнь¹. И в ходе настоящего семинара справедливо было отмечено, что в России сегодня одержимы обогащением, личным успехом и карьеризмом, что стало основной ценностью многих людей. Здесь хорошо видно, как при определенных социальных условиях духовность переходит в одержимость.

Это особенно важно отметить в связи с технократическим характером современного мира, в котором господствует новейший европейский «калькулирующий» разум. В таком мире, полностью проникнутом техникой, человек во всем, что он встречает, наталкивается на самого себя или на то, чем он может быть, а именно, на человека, бросающего вызов природе, на великого творца мира, что ведет к отрыву от трансцендентного, в частности, к смерти Бога. Все это, на первый взгляд, вроде бы не оставляет места для проявления какой-либо духовности. Однако само противопоставление духовности и технократии становится некорректным, если апеллировать ко второму определению духовности. Поскольку в этом случае техника, а тем более наука, становятся также проявлением человеческого духа, на что неоднократно указывает в своих философских произведениях выдающийся физик прошлого века, создатель теории вероятностей В. Гейзенберг. По его мнению, основной вопрос здесь касается именно целеполагания и ценностных ориентиров, а не самого использования техники как такового².

В одной из своих статей, посвященных творчеству И. В. Гете, В. Гейзенберг отмечает, что «наука, которая всего лишь правильна, в которой понятие „правильность“ отделилось от понятия „истинность“, наука, направление которой уже, стало быть, не определяется божественным порядком, — такая наука оказывается в очень опасном положении: она рискует попасть в лапы дьявола, если снова вспомнить „Фауста“. Потому-то И. В. Гете и не хотел ее признавать. В помраченном мире, который уже не освещается этим центральным светочем, „*Unum, Bonum, Verum*“, технические успехи... едва ли могут быть чем-либо, кроме отчаянных попыток сделать ад более удобным местом жительства. Это следует напомнить в особенности тем, кто верит, будто распространение научно-технической цивилизации по всей Земле, вплоть до самых отдаленных ее уголков, может создать существенные предпосылки для наступления „золотого века“. Так легко от дьявола не отделаешься!»¹.

Связь духовности с трансцендентным, а точнее, с его пониманием и содержанием, отмечают также и многие представители философии постмодерна⁴, которые напрямую связывают духовность со способностью непосредственного символического воздействия на социальную материю. Тогда чем меньше будет дистанция между материальным и символическим, тем ярче будет выражена духовность. Современное же общество в значительной мере удалено от символического, и то, что происходит в мире символическом, не имеет прямого отношения к движению социальной материи. В современных общественных формациях нет больше символического обмена как организующей формы. «Здесь находит завершение длительный процесс, когда один за другим умерли Бог, Человек, Прогресс, сама история, уступив место коду, когда умерла трансцендентность, уступив место имманентности, соответствующей значительно более высокой стадии ошеломляющего манипулирования общественными отношениями»⁵. Соответственно код, истеблишмент, система симулякров и есть «трансцендентная» социальная инстанция нашего времени. Поэтому термин «духовность» оказывается не применимым к современной культурной ситуации.

Следует, однако, подчеркнуть, что в философии постмодерна происходит не отмена трансцендентного и символического, а, скорее, радикальное изменение в их понимании. Более того, в середине 80-х годов появилось представление о том, что возможно возрождение духовности, к которому приведет не что иное, как развитие информационных технологий. Сейчас становится возможным проанализировать ситуацию и оценить прогноз.

В основу анализа имеет смысл положить основные характеристики современной культуры, обозначенные в изданном на русском языке в сокращении монументальном труде одного из самых выдающихся социологов современности М. Кастельса «Информационная эпоха. Экономика, общество, культура». В данном труде М. Кастельс на ницшеанский манер заявляет: «Я утверждаю, что под мощным воздействием новой коммуникационной системы, опосредованной социальными интересами, политикой правительств и стратегиями бизнеса, рождается новая культура: культура реальной виртуальности»⁶. Как же обстоят дела с проблемой духовности для этой новой культуры? Можно ли действительно говорить о ее возрождении?

Бесспорно, коммуникация во многом определяет формирование культуры. По мнению М. Кастельса, мы видим реальность не такой, как она есть, но такой, как наши языки — наши средства массовой информации — позволяют нам ее видеть. «Наши СМИ — это наши метафоры. Наши метафоры создают содержание в нашей культуре»⁷. В настоящее время средства массовой информации, особенно аудиовизуальные, стали ведущим способом коммуникации, формируя символическую ткань нашей жизни и воздействуя на сознание и поведение. «Это система обратной связи между кривыми зеркалами: СМИ есть выражение нашей культуры, а наша культура работает главным образом через материалы, поставляемые СМИ»⁸.

В результате все проявления культуры, от худших до лучших, от самых элитных до самых популярных, соединяются в этой цифровой вселенной, которая связывает в гигантском историческом супертексте прошлые, настоящие и будущие проявления

коммуникационной мысли. Возникает новая символическая среда, которая и делает виртуальность нашей реальностью⁹.

В связи с указанными процессами радикально меняется отношение творческой личности к миру техники. Традиционно художник старался держать дистанцию по отношению к технике, предпочитая быть на стороне природы. Однако, по мнению А. К. Секацкого, современный художник не должен бояться никакой технократии. Тем более что он от этого никуда не уйдет: он окружен компьютерами, виртуальной реальностью. Он вынужден преодолевать демонизацию машины, иначе он не состоится как художник. Более того, художник сейчас сам активно участвует в процессе технократизации, обозначив знаменательное событие: смену (буквально в последние десятилетия) идеолога техники. Прежде ее идеологом был инженер, технолог, то есть создатель, и вдруг неожиданно идеологом новейшей компьютерной техники стал художник.

Технократия современного мира, проникнутого духом коммерции, ведет к тому, что в культуру стремительно проникают экономические и рыночные тенденции. В связи с чем, в философской литературе появляется даже мнение о том, что культура — это, в отличие от мнения марксистов, не надстройка над экономикой, а, собственно, сама экономика в ее наиболее чистом виде. «Создание нового, — пишет Б. Гройс, — является не выражением автономной человеческой свободы, ... а подчинением требованиям современной культурной индустрии, которая извне навязывает художнику или теоретику необходимость нового, если он хочет иметь в ней успех»¹⁰. Тем самым производство нового является не полетом духа и фантазии, а определяется экономическими требованиями современной культурной индустрии.

Такой взгляд на проблему создания нового в культуре самым естественным образом связан с изменением понимания трансцендентного и символического в философии постмодерна. Как пишет Б. Гройс, апелляция к Богу, бытию возникает «из представления о культуре как сумме неизменных образцов и, одновременно, как о стереотипе их автоматического воспроизведения». А отсюда — скептицизм в отношении возможности ново-

го в современной механизированной культуре. Когда источники непосредственной жизни иссякли, а забвение культурной традиции невозможно, то невозможно и возникновение поистине нового. «Остается только как последняя возможность бесконечная игра „мертвых“ знаков... за пределами любого возможного смысла...»¹¹.

Что касается медиапространства, то это выражается в сплошном информационном ремейке, обезличивании информации, когда исчезает ответственность и личная авторская позиция, а вместо интересных тематических публикаций и передач подается простой набор красиво скомпонованных фактов без какого-либо их логического осмысления. При этом талант и профессионализм низводятся до простого исполнительства. Все это можно расценивать как прямое следствие современной оценки творческой деятельности человека.

Так, Б. Гройс считает, что человек по своей природе вполне банален и приобретает индивидуальность только в культурном контексте, используя тысячелетний стратегический опыт отличия себя от других, который передается в культурной традиции¹². М. Кагельс же напрямую связывает индивидуальность и оригинальность человека, его известность и славу со включенностью в мировую паутину, а также определенными усилиями со стороны СМИ. Анализируя ситуацию современности, с этими утверждениями нельзя не согласиться, и оказывается, что талант и какие-либо духовные устремления не играют решающей роли в современной культуре. Поэтому-то и возникает непреодолимое желание разорвать эту связку: культура — духовность.

Альтернативой духовности в этой ситуации становится некая безнаказанность в производстве символического. Это и есть та реальная культурная среда, в которой создаются современные культурные ценности. Говоря словами Ж. Бодрийяра, если принцип реальности исторически совпадал со стадией, детерминированной законом ценности, то «сегодня вся система склоняется к недетерминированности, любая реальность поглощается гиперреальностью кода и симуляции. Именно принцип симуляции правит нами сегодня вместо прежнего принци-

па реальности»¹³. В этих условиях возникает новая символическая среда и новая коммуникационная система, исторической спецификой которой становится, по мнению М. Кастельса, не формирование виртуальной реальности, а строительство реальной виртуальности, системы, в которой виртуальные образы сами становятся опытом¹⁴.

Именно в такой обстановке оказываются возможны утверждения: «Журналисты и журналистика — это лидирующая часть общества во всех смыслах, в том числе и философском». А также: «Журналист — пророк, конструирующий свое идеальное общество». Отдельного рассмотрения стоит проблема опасности конструирования разного рода идеальных обществ; это особая тема, особенно для нашей страны. В нашем же контексте необходимо отметить присутствие в современной культурной и коммуникативной ситуации медиакратии, а также тирании СМИ, утверждающих в силу своей массовости свое мнение в обществе. Это, в свою очередь, дает возможность, продолжая Ж. Бодрийяра, говорить о смерти прессы, поскольку, как известно, основным назначением СМИ с момента их возникновения было объективное и непредвзятое освещение событий и фактов, происходящих в реальном мире. В ситуации, когда СМИ готовы взять на себя функцию формирования идеальной реальности и создания новой постпатриархальной духовности, приходится констатировать факт их перерождения, утраты изначальной сущности, заложенной в самом имени — средства массовой информации. На деле это имя в качестве духовных ориентиров должно предполагать честность, порядочность и неподкупность представителей СМИ.

Что касается возникающей в этой связи проблемы свободы слова как основного принципа существования прессы, то уже со времен И. Канта известно, что свобода — это категория трансцендентного. В условиях же его исчезновения или, точнее, трансформации в имманентное она исчезает. В такой ситуации оказываются возможными только необходимость и манипуляция. В связи с чем можно лишь сказать, что в качестве ограничительных принципов для господствующих ныне вседозволенности и разнузданности вместо какой-либо цензуры, которая все же не-

допустима в подлинно демократическом обществе, могли бы стать, вспоминая еще раз И. Канта, «звездное небо над головой и моральный закон во мне».

Примечания

¹ Кийосаки Р. Т., Лектер Ш. 1) Бизнес-школа. Минск, 2000; 2) Квадрант денежного потока. Минск, 2003; 3) Папа богатый, Папа бедный. Чему учат детей богатые родители и не учат бедные. Минск, 2008.

² Гейзенберг В. Избранные философские работы. М., 2006. С. 342.

³ Там же. С. 242.

⁴ В том числе — петербургский философ А. К. Секацкий. Ряд аспектов проблемы, вынесенной в заголовок публикации, обсуждались в рамках цикла передач, проводившихся авторами настоящей статьи на петербургском «Радио Мария» в 2004–2005 гг. Так, точка зрения А. К. Секацкого, отраженная в данной публикации, опирается на его рассуждения во время одной из таких передач.

⁵ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 130.

⁶ Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество, культура. М., 2000. С. 316.

⁷ Там же. С. 315.

⁸ Там же. С. 322–323.

⁹ Там же. С. 350.

¹⁰ Гройс Б. Утопия и обмен. М., 1993. С. 126.

¹¹ Там же. С. 125.

¹² Там же. С. 136.

¹³ Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 44.

¹⁴ Кастельс М. Указ. соч. С. 351–352.